

«Не приближаясь, стороной идет по кромке. По самой кромке от взрывной его воронки...»

Людмила Абрамова, жена Владимира Высоцкого и мать двоих его сыновей, рассказывает о Поэте

Людмила Владимировна, 25 января Высоцкому исполнилось бы 60 лет. Представляете его себе шестидесятилетним?

- Нет, конечно. Почему?

- Не тогда, так через неделю, месяц, год он все равно сторел бы. Таков накал его трагического темперамента. Лучшее всех о Володе сказал Любимов: «Шаровая молния».

Только молния мгновенна, а Володя был шаровой молнией все 24 часа в сутки. Буднично, каждый день, 7 лет у меня под боком светила не электрическая лампа, а шаровая молния.

- Но в буднях, в быту для вас это, наверное, было так тяжело.

- Тяжело в быту бывает как раз с мелкими людьми: какие-то придирки, мелочные перепады настроения, претензии к окружающим. У Володи ничего этого не было. Он никогда ни к кому не придирился, он никогда не был недоволен мелочами. Это смешно даже говорить. У меня все время было ощущение, что я живу рядом с чудом. Уже в первую нашу встречу я поняла: этот человек может немислимое, непредсказуемое, запредельное.

- Ваша первая встреча - это 61-й год, Ленинград, вечер, вы возвращаетесь с прогулки в гостиницу, навстречу выпивший человек, рубашка расстегнута, на голове садина. Вы стараетесь его обойти, а он вдруг просит у вас денег: нужно расплатиться в ресторане. Денег у вас нет, и тогда вы снимаете с руки свое золотое кольцо с аметистом, старинное, фамильное и отдаете его совсем вам незнакомому человеку. Так ведь это было?

- Да, так. Об этом мало кто говорит и пишет - недостаточный важный исторический факт. Но для меня - огромный. Мне кажется, эта история говорит больше о вас, чем о нем. Как можно было так там необыкновенное разглядеть?

- Потом Володя мне пел. И даже чужую песенку «Вышла я да ножкой топнула», которую Жаров в фильме «Путевка в жизнь» пел как шутилку, он пел как трагическую, на последнем пределе. Еще секунда - и он умер. Я видела гениальных актеров уже - училась во ВГИКе, в мастерской Михаила Ромма, в это время он доучивал свой самый лучший, самый любимый курс - Тарковский, Шукшин. Круг общения был такой, что я, еще ничего не зная о Володе, смогла понять: это что-то совершенно необыкновенное.

- Каждый из тех, кто вспоминает о Высоцком, предлагает свое объяснение его необычайной популярности. И все равно, как заметил Юрий Трифонов, его популярность «в некоторой степени загадочна».

- Для меня загадки нет. Скажу вам больше: до такой степени нет, что я убеждена: если бы Володя сейчас был жив, у него такой популярности уже не было бы.

- Почему?

- Во-первых, потому что им, через несколько лет после смерти, перекормили - количеством изданий, дисков, видеокассет... Ничего нельзя сказать, как картошку при Екатерине. Но в отличие - сейчас нет той потребности в поэзии, не только в Володиной, которая была. Понимаете, человечество дышит. Оно вдыхает и выдыхает. Как море, у которого есть отливы и приливы. И есть минута, о которой приморские и океанические прибрежные жители говорят: море задухло. Вот сейчас такой момент. Это не зависит от политики, это не упадок, как мы говорим, а просто фаза между отливом и приливом. Сейчас море задухло. Тогда же была чрезвычайно высокая, судорожная потребность в поэтическом слове. А вся история поэзии, обратите внимание, построена на метафору: «песня», «певец», «воспеть»... Это звучит как искусство. Так же, как музыка, кроме профессионалов, никто не читает по партитуре, так и поэзия должна быть обращена не к глазу, а к слуху, духу. Когда же еще и в самом деле «струн вещих пламенные звуки»...

- ...И голос-крик, березящий спящие души.

- Да, конечно. Когда люди спят, им, чтоб проснуться, ну-

жен будильник. Или петух.

- «Какое время на дворе - такое месия», - сказал Вознесенский. А не кажется ли вам, что в этих словах слышится все же некая снисходительность по отношению к Высоцкому?

- А после смерти: «Меньшого брата потеряли, всенародного Володю». Какой он «меньшой»? Кому? Он меньше автору «Слова о полку Игореве» или великому барду Шекспиру. При том, что я к Андрею испытываю очень теплые чувства. История его отношения к Пастернаку, оруженосца к рыцарю, меня страшно трогает. Но к Володе... Да к нему все поэты так относились. Кроме, быть может, Беллы Ахатовны, которая поняла, что он никому не меньше. Наверное, интуитивным, женским, жалостливым чувством, как и я.

- Жалостливым? Вы что, Высоцкого жалели?

- Да. Знаете, я сейчас работаю в прогимназии, с шестилетними детьми. И вот мы с ними, обсуждая изменения, произошедшие с первобытных времен, говорили о том, что все меняется, кроме чувств: есть голод, есть радость от победы, есть отчаяние от неудачи. И я спросила: а какое самое сильное чувство? Ожидала, что они скажут: голод, страх смерти. Нет. Они сидели, думали, спорили между собой, и, наконец, одна девочка сказала: жалость. Она была абсолютно права. Жалость - самое сильное и самое главное человеческое чувство. И совсем неспроста нам много лет внушалось, что жалость унижает человека, что человек - это звучит гордо, а гордый человек не может ни жалеть, ни быть объектом жалости. То есть нужно было вывернуть человека наизнанку, чтоб он перестал ориентироваться в этом мире. И хотя опорочить жалость в какой-то степени удалось, это чувство не убило.

- Из-за того, что его официально не признавали?

- Да нет! Для человека, который в какую-то секунду понимает, что те слова, которые он нацарапал на обрывке бумаги, или те аккорды, которые подобрал на гитаре, выразили его мысли, его чувства и этим потрясли кого-то, что они его самого продолжают потрясать, - официальное признание - мизер. Это как безденежье - мелочь. Володя очень рано понял, что он может такое, чего не может никто, и еще нищим и ободраным. Когда стали кричать, что вот Высоцкого травили при жизни и травят при смерти, я внутренне усмеялась: его травили было невозможно. Наоборот, он травил. Правительство, Центральный Комитет, Комитет госбезопасности, таможенников там, стучащей. Самым фактом своего существования, абсолютно не зависящим ни от политики, ни от человечество дышит. Оно вдыхает и выдыхает. Как море, у которого есть отливы и приливы. И есть минута, о которой приморские и океанические прибрежные жители говорят: море задухло. Вот сейчас такой момент. Это не зависит от политики, это не упадок, как мы говорим, а просто фаза между отливом и приливом. Сейчас море задухло. Тогда же была чрезвычайно высокая, судорожная потребность в поэтическом слове. А вся история поэзии, обратите внимание, построена на метафору: «песня», «певец», «воспеть»... Это звучит как искусство. Так же, как музыка, кроме профессионалов, никто не читает по партитуре, так и поэзия должна быть обращена не к глазу, а к слуху, духу. Когда же еще и в самом деле «струн вещих пламенные звуки»...

- Почему?

- Во-первых, потому что им, через несколько лет после смерти, перекормили - количеством изданий, дисков, видеокассет... Ничего нельзя сказать, как картошку при Екатерине. Но в отличие - сейчас нет той потребности в поэзии, не только в Володиной, которая была. Понимаете, человечество дышит. Оно вдыхает и выдыхает. Как море, у которого есть отливы и приливы. И есть минута, о которой приморские и океанические прибрежные жители говорят: море задухло. Вот сейчас такой момент. Это не зависит от политики, это не упадок, как мы говорим, а просто фаза между отливом и приливом. Сейчас море задухло. Тогда же была чрезвычайно высокая, судорожная потребность в поэтическом слове. А вся история поэзии, обратите внимание, построена на метафору: «песня», «певец», «воспеть»... Это звучит как искусство. Так же, как музыка, кроме профессионалов, никто не читает по партитуре, так и поэзия должна быть обращена не к глазу, а к слуху, духу. Когда же еще и в самом деле «струн вещих пламенные звуки»...

- Почему?

- Во-первых, потому что им, через несколько лет после смерти, перекормили - количеством изданий, дисков, видеокассет... Ничего нельзя сказать, как картошку при Екатерине. Но в отличие - сейчас нет той потребности в поэзии, не только в Володиной, которая была. Понимаете, человечество дышит. Оно вдыхает и выдыхает. Как море, у которого есть отливы и приливы. И есть минута, о которой приморские и океанические прибрежные жители говорят: море задухло. Вот сейчас такой момент. Это не зависит от политики, это не упадок, как мы говорим, а просто фаза между отливом и приливом. Сейчас море задухло. Тогда же была чрезвычайно высокая, судорожная потребность в поэтическом слове. А вся история поэзии, обратите внимание, построена на метафору: «песня», «певец», «воспеть»... Это звучит как искусство. Так же, как музыка, кроме профессионалов, никто не читает по партитуре, так и поэзия должна быть обращена не к глазу, а к слуху, духу. Когда же еще и в самом деле «струн вещих пламенные звуки»...

- Почему?

- Во-первых, потому что им, через несколько лет после смерти, перекормили - количеством изданий, дисков, видеокассет... Ничего нельзя сказать, как картошку при Екатерине. Но в отличие - сейчас нет той потребности в поэзии, не только в Володиной, которая была. Понимаете, человечество дышит. Оно вдыхает и выдыхает. Как море, у которого есть отливы и приливы. И есть минута, о которой приморские и океанические прибрежные жители говорят: море задухло. Вот сейчас такой момент. Это не зависит от политики, это не упадок, как мы говорим, а просто фаза между отливом и приливом. Сейчас море задухло. Тогда же была чрезвычайно высокая, судорожная потребность в поэтическом слове. А вся история поэзии, обратите внимание, построена на метафору: «песня», «певец», «воспеть»... Это звучит как искусство. Так же, как музыка, кроме профессионалов, никто не читает по партитуре, так и поэзия должна быть обращена не к глазу, а к слуху, духу. Когда же еще и в самом деле «струн вещих пламенные звуки»...

- ...И голос-крик, березящий спящие души.

- Да, конечно. Когда люди спят, им, чтоб проснуться, ну-

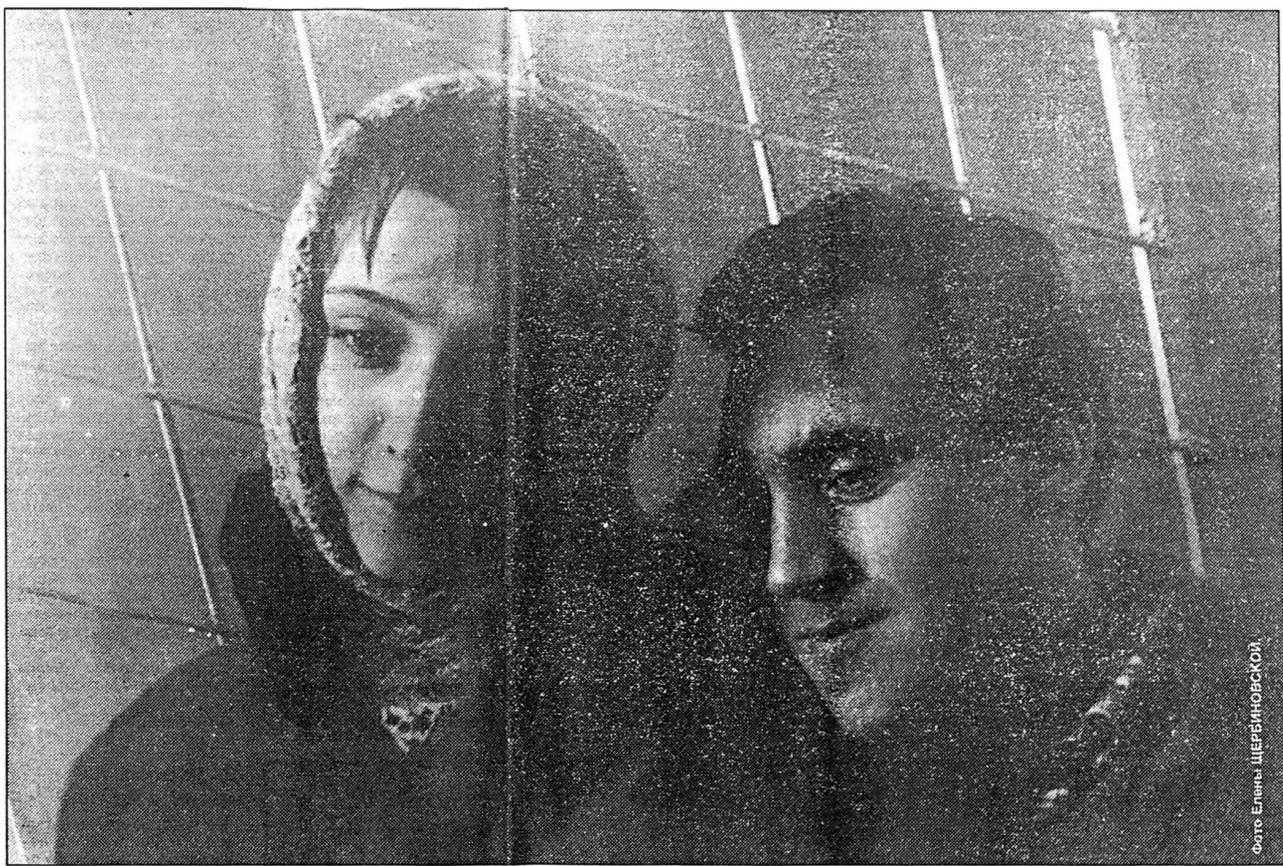

фото Елены ШЕРШНЕВСКОЙ

«Его отбросило волной - ее прибило. Она была его женой. Она любила...»

- Но мне самой это было очень интересно!

- ...а дома дети, пеленки, кухня, большая бабушка, погруженные в свою работу родители. Тогда, в Ленинграде, когда вы познакомились, вы ведь были на съемках, были приглашены - еще студенткой, на главную роль. Но ваша артистическая карьера не состоялась.

- Судя по тому, что у меня нет какой-то обиды на судьбу, она и не состоялась. Я очень много радости получила от учения во ВГИКе, мне это очень во многом помогло и помогает, но актерство не стало тем человеком сожалеем. Скорее несбывшимся - это школа. Я это поняла, когда стала подрастать дети, хотя еще в дошкольные времена каждый год 1 сентября что-то меня будоражило: вот наступит это утро, хлопнут двери, стучит лифт в подъезде, под окошком вереница детей с букетами...

- Немало женщин на вашем месте чувствовали бы себя сейчас... Жалели бы себя, а не мужа.

- Я его любила. Понимаете? Я любила. Как своих сыновей. Володя даже мне однажды сказал, что я отношусь к нему не как к мужу, а как к старшему сыну. Возможно, это мой недостаток, но я не разделяла Володю и сыновей.

- А что сейчас делают ваши сыновья?

- А у меня есть еще дочь, Се-рафима, от второго брака. Ей 25 лет, она учится иконописи. Старший сын Аркадий работает на телевидении. Младший, Никита, - директор Музея Высоцкого.

- Расскажите о музее, о предстоящем музее?

- Первым слово «музей» произнес Любимов. Сразу, еще до дня прощания с Володей. Рукописи не горят не потому, что пропитаны противопожарным составом, а потому, что всегда находятся руки, которые их из огня выхватают. Эти золотые руки наши. Сначала музей был в театре, на уровне самодеятельности. Потом нашли дом неподалеку. Дом стоит на крутом обрыве, окнами смотрит в овраг - как бы по-над пропастью, по самому краю. А фасадом выходит на проезжий тракт, Нижне-Танганский тупик. Сквозь тупик, делая их проезжими, продирались и Володя. А концепция музея, которой сейчас руководствуется Никита Владимирович, - это концепция живого, открытого центра. Он должен не только популяризировать, дарить молодежи, детям творчество Высоцкого, но и быть местом объединения людей, ищущих свою колее. Песня Володи о своей колее - программа для напра-

вления работы музея. Юбилей - это не один день рождения, весь год. Весной пройдет на-учно-практическая конференция. И чтоб это были именно научные, а не имени замочились выставки, изыскали, самая моя большая жалоба - еще студенткой, на главную роль. Но ваша артистическая карьера не состоялась.

ли, что это дети Марины Влади. И вдруг меня из небытия вытащили. Я и сейчас, в свои 58 лет, очень энергичный человек, а тогда от меня просто дым шел. 2-3 раза в году мы устраивали выставки, на них сложился особый жанр выставочной беседы, не закружившись, а такая свободная импровизация.

серьез задумались о феномене Высоцкого.

- Нет. Я знала, что он и при жизни был невероятно, фантастически популярен. И еще живя с ним, не сомневалась, что пройдут годы и Высоцкого будут изучать в школах и даже будут издавать учебники из него, фигуру официального толка. И потом... Мне тогда было все равно... Когда я узнала, что он умер, у меня просто ум померк. Просто свезло крышу. И, надо же, я вспомнила, как опора, как поддерживающее начало, не была уже нужна. Он твердым образом стоял на ногах. И я ушла сама.

- Это какое-то такое бескорыстие...

- Да никакого бескорыстия нет! Раньше надо было уйти. Оставшая женой знаменитого человека? Но у меня самого довольно высокое мнение о себе. А в то время, может быть, даже завышенное. Деньги? Они для меня совершенно никакого значения не имели, есть они, нет их, я никогда себя ни бедной, ни богатой не чувствовала. Держала какие-то мелочи: то, что я не услышу его новую песню, никому не смогу подарить новую пластинку, лишусь Танганки... Мелочи, как те паутинки, что привязывали Гуд-ливера к кольщикам, - они держат крепче, чем цепь. Я не случайно, уходя, ничего не взяла с собой. Я себя отрезала от Володиных песен, кинофильмов, спектаклей - даже его Гамлет не смотрела. Все это молга меня в любую минуту... Ну в сумасшествие столкнуться, может быть, даже в какой-то большой грех встала. И, зная это, я целых полгода себя к уходу готовила. Уйти же надо было сразу, как только я поняла, что он любит другую женщину.

- Вы это поняли или вам сказали?

- Сейчас я очень много про Володю знаю. Знаю, что за то время, когда он был на мне женат, у него были и другие

Л.В.А. Была еще одна вдова. О ней забыли. Ну, может, вспомнили едва, как гроб забили. Она жила недалеко. А шла в сторонке. Был уголок в ее руке от похоронки. Она привыкла и смогла с другим быть рядом. Она давно уже жила иным укладом.

Но день июльский стынет кровь, какой морозный! Кому бессмертную любовь в наш век бесслезный? Его отбросило волной - ее прибило.

Она была его женой. Она любила.

Не приближаясь, стороной идет по кромке. По самой кромке от взрывной его воронки.

Была еще одна вдова в толпе гудящей. Любовь имеет все права быть настоящей.

Друзья, сватья и кумовья - не на черта ли? А ей остались сыновья с его чертами.

1981 В. Фомина

ничего не стоило найти к этим стихам мелодию и сделать разрушительную балладу. Но, думаю, к этому времени, а это 70-й год, у него уже было ощущение, что люди, слушающие его песни, больше всего нуждаются в его темпераменте, в том, как он поет, а не в грузе тех дум, что подымают его наверх и дороже ему и славы, и успеха. А «Тушеноши»? Стихи, посвященные художнику Михаилу Шемякину, его выставке «Черво Парижа», знаменитому рынку, где люди носят мясные туши и сами похи на мясные туши.

- Слияние туш, а не душ... Да. Это так далеко от первых Володиных успехов начала 60-х, что трудно поверить, как за такой короткий срок в Высоцком родился философский, зрелый, трагичный русский поэт.

женщины. Но если б мне тогда об этом сказали, я не поверила: это никак не отражалось на его личности. А тут передо мной был другой человек. Это было потрясение. Это было открытие. И я ясно представляла себе: тот, кто каменем каким-то, гирей на

- Но ведь «Тушеноши» - это Париж, а Париж - это Марина... А что Марина?

- Но тяжело же, наверное, вспоминать женщину, из-за которой от вас ушел муж.

- Володя никогда не уходил от вас, он уходил от Гумилева, которого я люблю с детства, а есть такие строки: «Только змеи сбрасывают кожу, мы меняем души, не тела». Это значит, что человек не предает, а развивается, растет и уходит вперед. В 68-м году, когда мы расхворались, я Володе, как помощник, как опора, как поддерживающее начало, не была уже нужна. Он твердым образом стоял на ногах. И я ушла сама.

- Это какое-то такое бескорыстие...

- Да никакого бескорыстия нет! Раньше надо было уйти. Оставшая женой знаменитого человека? Но у меня самого довольно высокое мнение о себе. А в то время, может быть, даже завышенное. Деньги? Они для меня совершенно никакого значения не имели, есть они, нет их, я никогда себя ни бедной, ни богатой не чувствовала. Держала какие-то мелочи: то, что я не услышу его новую песню, никому не смогу подарить новую пластинку, лишусь Танганки... Мелочи, как те паутинки, что привязывали Гуд-ливера к кольщикам, - они держат крепче, чем цепь. Я не случайно, уходя, ничего не взяла с собой. Я себя отрезала от Володиных песен, кинофильмов, спектаклей - даже его Гамлет не смотрела. Все это молга меня в любую минуту... Ну в сумасшествие столкнуться, может быть, даже в какой-то большой грех встала. И, зная это, я целых полгода себя к уходу готовила. Уйти же надо было сразу, как только я поняла, что он любит другую женщину.

- Вы это поняли или вам сказали?

- Сейчас я очень много про Володю знаю. Знаю, что за то время, когда он был на мне женат, у него были и другие

женщины. Но если б мне тогда об этом сказали, я не поверила: это никак не отражалось на его личности. А тут передо мной был другой человек. Это было потрясение. Это было открытие. И я ясно представляла себе: тот, кто каменем каким-то, гирей на

шесу у него висит, - мерзавец. Это была любовь - а как можно любви лишаться? И во имя чего - во имя советской или даже христианской морали? Ведь по-настоящему Володя, думаю, был влюблен один раз. В Марину.

- И что, у вас нет ревности к этой женщине?

- Очень это было бы нехорошо и очень было бы грешно. Ей досталось гораздо тяжелее, чем мне. У нее не двое детей, а трое, и эти дети не Володины. И друг другу не родные братья. Там отношения были очень тяжелыми. Допускаю, что у Марины такого сильного материнского инстинкта, как у меня, не было - она реализованная женщина. Но то, что ей было больно, это я вам ручаюсь. А то, что она пережила с Володей, - я 7 лет, а она 12! Да что вы! И унижений она терпелась несравнимо со мной. Хотя бы просто потому, что более заметный в мире человек. О чем вы говорите! Что Марина вынесла, за это ей можно простить и то, что она к Никите плохо относится, и к Володиным родителям, и меня недобрым словом в своей книге помянула... Это ее право. Это ее личная жизнь.

- А ваша личная жизнь? Вы сейчас живете...

- Одна.

- А где то кольцо?

- У дочери. Как реликвия.

- А вы знаете, как родилась песня Вероники Долиной о вас?

Марине нужна была какая-то наследственная бумага, что мы там от чего-то отказываемся, мне не помню точно. А в доме как раз было какое-то авральное время, знаете, как это бывает иногда в больших семьях. Но Марина попросила, и я побежала. А там очередь. Ну я села и старалась себя успокоить, мысленно читая себе какие-то длинные стихи, как я это обычно делала. Но не получается, сидеть напротив меня молодая женщина в коротенькой такой дубленочке устала на меня прямо в упор. Не отводя глаз, смотрит и смотрит прямо в переносицу. Меня это стало раздражать, но тут она пошла, и я узнала, что это Долина. Мы немножко поговорили, потом она отвезла меня домой на такси, и вскоре я с удивлением узнала, что она написала обо мне песню.

- Горечь в этой песне... «О ней забыли», «шла в сторонке», «сторону идет по кромке»...

- Да при чем тут это? Сторонкой... Там же потрясающее точный образ сты - «взрывная воронка». Взрывная воронка! Это и Володины песни, и сама его судьба, и еще шире... А вы... Вообще - не слишком ли мы с вами увлеклись моей личной биографией? Что может быть поучительного в моей судьбе для других?

Вероника Долина о своей встрече с Людмилой Абрамовой рассказала мне так: «Было это через несколько месяцев после смерти Высоцкого. Я еще была внаелектризована, во время его кончины во мне зародился ребенок, и именно 25 июля схватил первый, мучительный приступ язвы, который странным образом каждый год именно в этот день повторяется. И вот в одном гадком советском учреждении, в гадковатой очереди, которую я с ужасом озираю, я вдруг увидела чело-во-ве-ка. Сидела женщина, вся в черном, старенькая сумочка в руках, черные платок на голове, очень прямая спина. А лицо... Так странно - широко расставленные глаза! Она совершенно выпала из этой очереди - просто пришла. И я абсолютно диким, нелепым образом подошла к ней и спросила: «Вы кто? Так мы познакомились, так я написала потом песню. А ощущение осталось то же - инопланетянка».

*** Как грустно, что редкими и нездешними нам кажется высокое бескорыстие, умение жалеть другого, не себя, огромное чувство собственного достоинства рядом с удивительной терпимостью и еще многое, многое другое, так необходимое нам на кромке взрывной воронки не только трагического мира поэта - всего нашего трагического, безумного и эгонистического мира.

Инна РУДЕНКО.